

Дорога Пантяйки

рассказ

«Твердо уповал я на Господа, и Он приклонился ко мне, и услышал вопль мой; извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои, и утвердил стопы мои...» (Псалом 39:2-3)

-Мама, мама! Смотри, паутина летает! Почему она летает?

Рука у мамы холодная, тонкая.. Кажется, сожмешь посильнее □ сломается, или еще хуже, растает. Поэтому Алинка старается как можно бережнее держать ее, будто это не рука, а, например, бутон розы или эклер со сливками.

-Я не знаю, Алин...

Мама слушает невнимательно, отвечает неохотно; красивые глаза её смотрят куда-то вдаль, и кажется, видят то, чего не видит Алинка.

Стояла самая лучшая пора осени, когда солнце заливает нежным светом дома и дороги, когда листья кленов, вязов, тополей кружат в непонятном танце и покорно ложатся к ногам, когда на клумбах, обманутые поздним теплом, еще борются за жизнь последние цветы.

Из больницы Алинка с мамой всегда возвращались через Соловьиный мост. Мама любила этот мост, и каждый раз останавливалась на минутку-другую, чтобы насладиться прекрасным пейзажем. А дочка, наоборот, очень боялась и моста, и болотистого оврага под ним. Ей казалось, мост может обрушиться в любую минуту, и они с мамой попадут к Ундине. Про Ундину Алине рассказывал доктор, который лечил маму: Ундина грустит, ждет, когда к ней придут гости, и каждый раз, в полнолуние, выходит Ундина из болота, вся в серебряной чешуе, и поет печальные песни. Мама обычно просила доктора так не шутить и не пугать девочку...

О, как Алинка ненавидела эту больницу: её запах, её бледно-зеленые стены, её докторов в больших очках и высоких поварских колпаках. Но мама почти всегда брала её с собой, потому что папы у неё не было, а бабушка занималась очень важными делами. Одна мама на всем свете... Но и та как будто бы таяла □ прозрачная, невесомая, полуживая... Тень? Пожалуй, это слово подошло бы к ней лучше всего. То, что мама сильно болеет, Алинка поняла давно. Только название она никак не могла запомнить - в голове крутилось что-то похожее на «душ»... Мама очень редко произносила это.

- Мам, пошли! Мам, ну пошли! - девочка упорно тянула маму за руку □ они снова были на мосту.

-Ты думаешь, есть страна за облаками? - задумчиво спросила мама, не обращая внимания на попытки дочери увести её с моста.

-Не знаю, мам, может есть, ну пошли скорее, нам ведь надо еще к тете Лене в три часа!

-Я думаю, нет страны за облаками... - так же отрешенно ответила мама, и посмотрела на Алинку как-то странно, словно ища жалости, словно ожидая утешения.

Пошли! Ну пошли! - настойчиво зудела дочь и теребила мамин рукав.

- Пошли, Малыш... - со вздохом сказала, наконец, мама, и они быстрыми шагами направились домой.

«коронована луной..

как начало высока..» ,

- хриповато и глухо тянул Череп, помогая себе фальшивыми гитарными аккордами. Никому больше петь не хотелось. И луна была безмолвна. Пантяйка часто поднимала глаза на ее тревожно-жалостливое лицо, и ей казалось, что вот-вот луна скажет грустно: «одни вы.. одни на всем свете..»

А на реке серебрилась дорожка, по которой так хотелось уйти, никому ничего не объясняя, ни с кем не прощаясь.. просто уйти домой. Нет, не в ту полупустую двушку в хрущевке на Фабричной, где всегда не хватает свежего воздуха, а в ЕЁ ДОМ, окруженный тенистым садом: уютный, красивый, любимый... Дом, который все же где-то должен быть.. «где-то должен быть мой дом.. »

В ту холодную октябрьскую ночь, когда звезд осталось совсем мало, и листьев мало, и мало, так мало тепла, сидели они на высоком берегу Чернавки вокруг невеселого костра, лениво перебрасывая друг другу слова, чувства, взгляды, потягивая из бутылок пиво, изображая полное равнодушие к россыпи желтых огней-окон больших домов их города...

Пантяйка внимательно переводила взгляд с одного на другого, и все больше жизнь их, и ее собственная тоже, казалась ей театром теней, где каждый умело играет независимость, безразличие, граничащее со слабоумием веселье...

Вот сидит Чер □ он же Череп □ он же Максим Черепович. Нескладный, лохматый понурый. Вырос в детском доме. Когда ему исполнилось пять, мама уехала на заработки в столицу, оставив ребенка в приюте. Р азуется, временно... Теперь ему восемнадцать - он считается взрослым и может жить один. Интересно, каково ему каждый день возвращаться в свою неуютную комнатку в старой общежитии на Печатной? Будет ли он готовить себе нормальный ужин, или он съест десятую в день пачку лапши быстрого приготовления? Пожелает ли кто ему спокойной ночи или он по обыкновению своему вставит наушники и будет слушать «нестареющий» русский рок, пока, наконец, не забудется сном? Чер всегда носит задумчивое лицо, и говорит приглушенно, таинственно. Пантяйка знает, что ему просто не нравится звучание собственного голоса, поэтому он и напускает на себя туман, шепча что-то о своем великом призвании.

Семен Семеныч получил такое прозвище по собственной вине. Стоит ему заметить чью-то оплошность, и сразу говорит: «Эх, ты, Семен-семеныч!» Теперь сам так назван, но он ни капли не обижается. Он, пожалуй самый покладистый и неконфликтный в компании. Ведет себя так же, как медведь из мультика «Волк и теленок»: «а может, не надо...» Семен Семеныч никогда не лезет в драку первым, никогда не начнет поднимать разборки из-за пустяка, но и за товарища не вступится. Он умело спасает свою шкуру из любых переделок. Родители Артема (а именно так его зовут по-настоящему) работают в столице по графику □ месяц через неделю. А это означает, что тридцать дней они разгружают и расставляют товары по полкам, а последующие семь спят или едят перед телевизором, довольные тем, что обеспечили все потребности любимого сыночка. Пока родители в отъезде, за Артемом и его братом присматривает глухая бабушка Зоя.

Бабушка умеет отлично готовить, вязать, шить, стирать. Но вся бабушкина ласка подарена младшему внуку — Никите. А еще бабушка — только это большой секрет — даже не подозревает, во сколько семнадцатилетний Артем является домой...Скрежета дверного замка она не слышит.

Полли — редкая фифа. Она действительно красивая, и может быть даже, в какой-то степени, умная. Но она совершенно не умеет тратить деньги. Почти каждый день она тащит из кармана пьяного отца одну-две сотенные бумажки для того лишь, чтобы купить очередную гламурную вещицу: лак, тени, клатч...А вечером Полли просит у каждого сигаретку, баночку пива, шоколадку. Хотя может быть она просто хитрит, и потихоньку откладывает на осуществление заветной мечты: уехать в штаты и работать там официанткой... А пока ей всего шестнадцать. Мама её — измученная, рано постаревшая женщина, натренировавшая руки благодаря весу пьяного мужа, которого приходится доставать из подворотен и тащить домой почти каждый день. Мама её почти не разговаривает по-нормальному только плачет, или ругается. Поэтому Полли всегда ищет свободные уши чтобы выговориться всласть. А еще у нее всегда кипит личная жизнь. Несмотря на возраст, заплечный багаж её «бывших» огромен. Даже в их компании находится не меньше трех экс-бойфрендов Полли.

Рядом с Полли — её настоящее — Вася Синицин. Для всех он просто Васек, реже Синичка. Ему повезло еще меньше чем подружке, поскольку у него пьет не только отец, но еще и мать. Вася частенько ночует у Захарова, потому что не может заснуть от пьяных воплей. Он довольно интересный человек: ненавидит компьютерные игры, зато читает Гоголя и изредка пишет сам. Васю можно назвать самым красивым парнем их компании: стройная фигура, высокий рост, правильные черты лица, очаровательная улыбка. Однако, в последнее время, к бутылке он стал прикладываться заметно чаще других. И глаза у него самые грустные. Многие девушки вздыхали по нему исподтишка, не решаясь, однако, перейти в наступление — слишком хорошо они знали, кто такая Полли, и чьей лучшей подругой она является. Но подозревал ли хоть кто-то, что каждый из них в сущности, там, в глубине, один... один на всем свете? ...Болотников, Саплин, Малинова, Крот... Смотрят ли их родители на часы сейчас? Бегают ли от окна к окну? Звонят ли в полицию? Половина третьего... Пантяйка вновь подняла глаза на луну... «Одни...совсем одни...» А был ли смысл думать о суровой жизненной реальности своих друзей, когда её саму, кроме полуживого хомяка дома не ждал никто?

Im Tag Ist wenn die Mutter, die Kindhelt Aliny ist von der Nachtigallbrucke in der Sumpf zu Undine gesprungen und es ist dort fur immer verchwunden.

«В день когда умерла мама, детство Алины спрыгнуло с Соловьиного моста в болото к Ундине и пропало там навсегда» - таким был перевод надписи, наколотой вокруг её запястья.

Мама умерла зимой, в страшные холода, когда, казалось, даже термометр на окне жалобно поскрипывает от мороза.

Тетя Лена целый день пробежала где-то со сбившейся набок черной повязкой на голове, весь следующий день варила щи, каши, кисели, пекла блины, а на завтра громко, с причитаниями, рыдала у красного гроба. Шестилетняя Алина крепко держалась за её пальто. Девочка заплакала только в тот момент, когда гроб стали засыпать комьями коричневатой земли. Но даже тогда она не смогла уложить в бедной маленькой головке,

что теперь она одна...одна на всем свете... И никогда больше мама не завяжет ей шарфик и не поправит шапочку, «чтобы утенок, мам, был в серединке!», и никогда не прикоснется к румянному и пухлому личику дочери своей нежной прохладной щекой, и никогда не остановится на Соловьином мосту полюбоваться на зеленые холмы и большие липы, густо растущие на их склонах. Такое страшное, такое чужое детскому восприятию слово «НИКОГДА».. Никогда...

Место мамы теперь должна была занять тетя Лена.

С содроганием сердца переступила Алина порог своей новой комнаты □ сотни потускневших глаз уставились со стен на маленькую девочку. "Страшное царство фотографий" □ так потом она назвала эту комнату. Строго испытывала взглядом Лена в пионерском галстуке, смешливо и беспечно таращился первый муж её, «мот и романтик», грустно смотрела мама, совсем маленькая еще, на деревянной лошадке. Она всегда смотрела грустно, даже до того, как заболела... Из глаз Алины потекли крупные слезы.

Я не хочу здесь жить! - закричала она, и кинулась из комнаты.

Тетя цепко поймала девочку за шиворот.

-Стоять! - приказала она, - Ты дура?

У Алины не осталось сил сопротивляться, и, спустя пару минут она одиноко рыдала на кровати у окна с видом на текстильный комбинат.

По-хозяйски «прибрав к рукам «племянницу, тетя не уставала напоминать, что печется лишь о её благе. Действительно, Лена кормила Алину «только здоровой пищей» и организовывала её досуг «самым полезным для растущего организма способом». Непосвященным не дано было понять тонкостей такого воспитания, поскольку со стороны все выглядело так: девочка целыми вечерами носится по двору, а на завтрак, обед и ужин ест кабачки или капусту. Разве могло тогда маленькой девочке прийти в голову, что её «разумная воспитательница», ища как бы доброго, выделяла для себя, любимой, неплохую «зарплату» из опекунских денег?

Нехитрый вопрос «Ты дура?» звучал в адрес Алины каждый день и по любому поводу. Даже в день прощания, на вокзале, когда Алина поставила (какой ужас!) саквояж тети на асфальт, Лена не смогла удержаться от любимого вопроса. Бабушка тогда одернула тетю (возможно, впервые): «Ты хоть попрощаться-то можешь по нормальному?»

Слушая гул приближающегося поезда, Алина испытывала внутри себя борьбу страха перемен с ощущением наступающей свободы. Лена уезжает... Теперь никто не обидит, не накричит, не заставит есть кабачки в кляре... С другой стороны, человек такое существо, что он как пес, привыкает и к злему хозяину. Она боялась одиноких вечеров и ночей в квартире, пустовавшей уже восемь лет... Боялась встречи с прежними соседями... Боялась что не справится с домашним хозяйством. Ведь ей было всего четырнадцать, когда её оставили одну, подобно тому, как жестокие люди в конце сентября бросают собачушку на даче... Бабушка, конечно, никуда не уезжала, но жизнь её текла по вполне определенному сценарию, где не было места новым героям. Хор ветеранов, совет общности, сериал «Любовь и тайны» - это была её дорога. Кроме того, бабушка жила в коммунальной квартире, что исключало всякую возможность поселить там Алину.

Одинокое жилище юной дикарки изредка навещали гости из различных важных

отделов. Тревожные тетушки как правило охали и ахали на все лады, заглядывали в холодильник, брезгливо отскребали какую-нибудь шкурку от стола, грозились лишиться тету опекуна, а Алину увезти в приют. К этим визитам Алина привыкла, научившись спокойно реагировать на них, вежливо отвечая на вопросы. Она прекрасно понимала, что в жизни её ничего не изменится.

С каких пор она перестала быть Алиной? Наверное, с того времени как стала жить у Лены. Прозвище Пантяйка надежно закрепилось за ней еще в первом классе. Она подозревала, что большинство друзей понятия не имеют, как её зовут на самом деле. Действительно, если ты Алина Пантяева, почему бы тебе не стать Пантяйкой, развязавшись с мучительными воспоминаниями о радостях детства, о нежном голосе мамы, зовущем её по имени? Но иногда они все же возвращались...

Пантяйка моргнула, заметив, что пламя костра стало как-то подозрительно расплываться.

«Не реветь!» - приказала она себе чуть слышно.

-Тише! Кто-то идет! - сказал Семен Семеныч и опасливо посмотрел в сторону города. Напрасно он всегда убеждал друзей, что не боится полицию.

Череп перестал играть.

Саплин с презрительным выражением лица кинул окурок в костер.

-Че померли чтоли от страха уже? - процедил он сквозь зубы, окинув взглядом всю компанию.

Приближение людей стало очевидным, но уже очень скоро все поняли, что вместо полиции к ним на огонек идут две девочки.

Подружки были из «приличных»: клетчатые курточки, узкие джинсы, «аккуратный беспорядок» на головах. У одной из них на носу красовались модные в их городе бутфорские очки в черной оправе, а другая держала огромную белую сумку-саквояж. Пантяйка недовольно скривилась -ей не нравились «стиляжки», но тем не менее, их появление здесь, да еще посреди ночи, вызвало у неё огромное любопытство. Девочкам на вид было лет 15-16. Первой заговорила «очкастая»

-Привет! Мы тут по делу... - пропищала она нерешительно.

-Чё хотели? - довольно любезным для своей персоны тоном спросил Саплин.

-Чо-о-о? - глухо и зловеще протянул Череп.

Девчонки в страхе переглянулись.

Тогда Полли, пустив в ход все ресурсы своего дружелюбия, сделала еще одну попытку разговорить девушек:

- Вам чего, девчонки? Мы не кусаемся, только если в шею немножко! Говорите уже!

«Очкастая» продолжила, опасливо покосившись на Черепа:

-Нам бы... нам надо с Пантяйкой поговорить.

-Наедине □ добавила «Сумчатая» и почему-то посмотрела на Малинову, которая уже час как дремала на коленях у Крота.

Пантяйка недовольно оглядела девчонок с ног до головы.

-Это я, - сказала она. - Говорите при всех или вообще не говорите.

-У неё от нас секретов нет!- вставил Семен Семеныч.

-Н-ну ладно, - Кать, может ты? - Очкастая вопросительно посмотрела на подругу.

- Короче. Дело вот какое. Вы не подумайте, все честно □ неожиданно для всех

затараторила Сумчатая □ мы из сто тридцать шестой школы. У нас есть одноклассница, редкостная дура, страшная как собачья старость, облезлая и полинялая, как ремонтный кед. Но умная, зараза. Задачки как семечки, - ну бывает, что же - кто чем болен. Короче, ее зовут Света. А мы зовем её Жучка. Ну так вот, в мае мы писали итоговую контрошу, и у неё с Танькой □ она показала на очкастую был один вариант. Представляете, она не дала списать, Жучка эта. Танька завалилась по полной, конечно, ведь что я что она с алгеброй не даже на «Вы». И что, родители в школу: "ваша девочка ленивая и глупая, мы её тянем уже восемь лет, сколько может продолжаться?!" В общем, старая песня. В итоге, Таньке обрубил лагерь, из принципа, и пахала она в трудовой бригаде два месяца. Нормально, а? Изза какой-то Жучки?! Жучка, отличница, плюет на это с крыши, и прикиньте, че она сказала нам, когда мы её зажали в туалете? - "Делайте со мной что хотите, но списывать я не дам, потому что это грех!»

Услышав последние слова Кати, Полли и Вася зашлись смехом. Остальные тоже заметно повеселели. Пантяйка удивленно подняла брови:

-Да.. Тяжелый случай. Ну а я то причем?

-Мы хотим тебя попросить ну как бы так сказать... Поговорить с этой девочкой □ слово поговорить Катя произнесла с особым нажимом.

Теперь заговорила Таня:

-Да она, понимаете, достала всех уже! И дело не только в контрольной. Вы понимаете, существуют же дуры - вот она самая настоящая. И подставляет вечно всех. В седьмом классе она одна не ушла с урока, и после стала любимчиком у русички. В этом году она притащила в класс какие-то типа умные духовные книжки, и класснуха разбирала её на педсовете. С ней и не дружит никто особо в классе. Казанцева, наверно ты её знаешь (Пантяйка кивнула) гнобит её уже года два, но за чужих разбираться никогда не пойдет. Так что мы к ней с этим даже не суемся. Вот...

-Думаете, я что ли разбираюсь за чужих? - спросила Пантяйка, зябко ежась от холода.

-Н-ну, нам тут говорили, что к тебе можно, если что, обратиться...

-Кто указал? - Пантяйке явно начал наскучивать этот разговор.

-Н-ну... Зернов посоветовал... Сам просит тебя...

-Ах, Зернов! А вы его откуда знаете? - Пантяйки заметно оживилась.

-Да уж знаем сто лет.

Зернов... Пантяйка посмотрела в сторону, стараясь сделать свое волнение незаметным. Сердце сильно стучало, а руки дрожали. Зернов... Хитрый... Знает, что ради него она сделает все, что угодно. Уже год, как она предпринимала безуспешные попытки понравиться этому человеку. Он же делал вид, что ни о чем не подозревает. Зернов гулял в другой компании.

-Хорошо, я позвоню ему, и спрошу, правда ли что это он навел,- строго сказала Паняйка, ликуя в душе о том, что он помнит её и считает достойным человеком.

-Пожалуйста, звони!- спокойно ответила Таня. Было видно, что девчонки говорят правду.

-Хорошо, у неё есть друзья не в школе? - деловым тоном спросила Пантяйка.

-Да вроде кто-то есть, какие то, вроде неё, но это так, не в счет — сказала Катя.

-Ладно. Где можно застать её одну?

-По вторникам, четвергам и субботам она одна возвращается из художки через Герберу. Время уточним. Там можно ПОГОВОРИТЬ без свидетелей.

-Просто поговорить? - Пантяйка вопросительно взглянула на девчонок.

-Ну-у...если просто поговорить, боюсь она не поймет... - тихо сказала Катя.

-А может , не надо так-то уж? - лениво вмешался Семен Семеныч.

-Надо! - сказала Полли голосом лисы все из того же мультика.

-В какой мере? - спросила Пантяйка.

-В нормальной, скажем так, достаточной для понимания, — ответила Таня, не глядя на Пантяйку. Лицо её выражало жгучую ненависть к принципиальной однокласснице.

- Красиво сказано, - улыбнулся Вася.

-Си-ильно, — проскрежетал Череп.

Между тем, холод настойчиво пробирался под куртки, шарфы. Видно было, что всем хочется домой, но никто не вставал с места. Дома не ждали.

-Пошлите, а? - жалобно прошептала Полли.

Ребята молча встали и, залив костер водой из канистры, пошли по направлению к огням города. Все думали о предстоящем РАЗГОВОР Е Пантяйки с неизвестной и странной Жучкой. Но обсуждать это почему-то не хотелось никому. Лишь Семен Семеныч отпустил пару шуточек □ уж очень он любил наблюдать за девчоночьими разборками из за кустов.

Двадцать первое октября, обыкновенный субботний день, в глазах Пантяйки был судьбоносным. Именно сегодня ей предоставлялась уникальная возможность доказать - нет, не себе - Зернову, что она именно та, которая нужна ему. Почему? Наверное, в первую очередь потому, что она не похожа на тех "липовых" девочек, которые умеют много болтать и выпендриваться. Именно такие обычно вились вокруг Зернова: амбициозные красотки со страусиными перьями на сумочках, но ни одна из них - Пантяйка была уверена - не осмелилась бы доказать на деле свой авторитет, не боясь за последствия.

Однако, по дороге к месту действия, настроение ее изменилось. Все вокруг казалось каким-то неуютным: небо давило своей тоской, и деревья будто пригибались под его тяжестью, ветер остановился, хотя еще с утра протяжно завывал в щелях старых оконных рам, под ногами уныло шуршали жалкие воспоминания о лете - грязно-желтые листья. Да и сами воспоминания эти были до боли скучными: монотонные песни Черепа, тлеющие угли костра, периодические стычки, разборки ☼□ каждый день огни города вдали * Каждый, каждый день. «Моя дорога □ болото Ундины» - теперь эти слова кружили в ее голове старой каруселью постоянно.

Пантяйка неторопливо пересекла площадь Мира, затем свернула на Знаменскую, кинула взгляд на большие часы Шведской башни. Разговор должен состояться через тридцать минут - в пять пятьдесят.

Р азнаяряженная Полли и вечно сонная, растрепаная Р ита Малинова уже стояли в условленном месте, зябко ежась от холода. Кинув последний жалобный взгляд на дверь пиццерии, девушки послушно пошли за Пантяйкой. Обе прекрасно понимали □ если на горизонте маячит сногшибательная фигура Зернова □ уговорить подругу оставить свои намерения и, например, просто посидеть в кафе, бесполезно.

Но все-таки, даже не смотря на главного в ее глазах фигуранта дела, Пантяйка не понимала своего настроения. Еще с утра она предвкушала как он зайдет к ней или хотя

бы позвонит, чтобы спросить как прошел РАЗГОВОР, ну а она вновь попытается
объясниться * Звериная жажда заполучить Зернова любой ценой сохранялась и сейчас,
но к этому, все же, примешивалось осязаемое чувство страха неизвестности. Что можно
ожидать от таких «темных лошадок», «смирных овечек», «учительских прихвостней»?
Она ни разу не имела дела с такими. Жалко ли ей было эту «несчастную»? Пожалуй,
нет. Пантяйка научилась даже справляться к вечно живущей в ней жалостью к себе
самой, подменяя ее апатией.

Между тем Полли и Рита активно обсуждали ход предстоящего РАЗГОВОРА и упоенно
фантазировали на тему внешности той самой «отличницы-предательницы». Согласно их
представлениям, девочка та была настоящим монстром: страдающая от прыщей и
перхоти, обладающая огромным размером ноги, со втянутой шеей и большим-
пребольшим носом, в грязной балоньевой куртке и старомодных ботинках.

Каково же было их удивление, когда на тропинке,пролегающей между складом
«Герберы» и гаражным кооперативом появилась невысокая стройная, миловидная
девушка с длинными русыми волосами в приталенном пальто цвета «электрик». В одной
руке она несла сумочку, в другой □ свернутый в трубочку ватман. В отличие от подруг,
Пантяйка не была поражена резким различием желаемого и действительного,
поскольку не в первый раз отмечала насколько ненависть способна ослепить глаза и
рассудок.

Объект приближался, и Полли по старому отработанному сценарию перекрыла дорогу
спереди, а Малинова □ сзади. Пантяйка на всякий случай решила удостовериться, та ли
это девушка (хотя судя по ватману,ошибка была маловероятна) и спросила:

-Ты Света из сто тридцать шестой школы?

-Да..- девушка была явно напугана. Она переводила непонимающий взгляд с Пантяйки
на Полли.

-Нам нужно с тобой поговорить,- Пантяйка начинала любимую игру в железную леди.

-Здесь?- Света явно еще надеялась покинуть безлюдное место.

-Именно здесь.

-О чем? □ непонимание, страх, еле уловимая нотка детской наивности смешались в ее
больших серых (как у мамы) глазах, и все же * Этот маленький, но осязаемый
стерженек...

-Давай договоримся так, - Пантяйке вдруг почему-то сильно захотелось обойтись без
драки. - Мы объясняем тебе ситуацию один раз, ты принимаешь её, и мы мирно
расходимся. В другом случае...

-Хана тебе, Жучка □ не выдержала Полли и резко ударила по ватману. Он упал на
землю. -Света его подняла.

-Смотря с чем я должна согласиться, □ уже более твердо сказала Света. - Если вы от
Тани с Катей – лучше и не продолжать. Я им уже объяснила, что думаю на этот счет.

«А она □ орешек!» С огромным презрением взглянула Пантяйка на Свету, постаравшись
как можно лучше замаскировать удивление и предательскую нотку зависти.

-Цыц! Ты самая умная?- снова пропищала Полли и сильно наступила на ногу «жертве».

Света поморщилась от боли.

-Я не могла поступить иначе и в другой раз не поступлю. Знаю, для вас это дико, но у
меня другие принципы.

Малинова молчала □ однако по ее лицу можно было прочесть удивление: никто раньше в подобных обстоятельствах не осмеливался так разговаривать с Полли, тем более с Пантяжкой.

-И что же это за правила? – со снисходительной улыбкой спросила Пантяжка.

-Я.. Я хочу жить как учит Иисус Христос...

Повисло молчание. Удивления теперь не мог скрыть никто из троих.

Первой опомнилась Пантяжка:

-Почему говоришь, что учит? Учил может быть когда-то, ведь Он умер давно.

-Он живой... Бог не может умереть.

-Девчонки, да она сумасшедшая, жалеть таких надо! – впервые подала голос Малинова.

-И тебе нравится быть пешкой в чужой игре? □ как бы не замечая последней реплики подружки, спросила Пантяжка, испытующе глядя на Свету. И хотя на лице ее играла ехидная улыбка, в сердце неведомо откуда проникла щемящая тоска.

-Мне нравится, что у меня есть Небесный Отец, который любит меня и возьмет к Себе, даже если вы захотите меня здесь убить. Я не одна.

«Стержень. Это стержень» Не успела Пантяжка ответить на эти такие непривычные для нее слова, как Полли, совершенно озверев, с силой толкнула Свету на землю и пнула ногой в бок. Малинова пнула в спину, после чего все трое бросились бежать.

Добежав до Гончарной, они остановились, отдышались и спокойной походкой направились к своему району.

- Как выдумаете, Жучка усвоила урок?- лениво спросила Малинова, – ну и дура же она!

- Слабовато мы ее, девчонки. Боюсь, опять примется за старое □ деланным обеспокоенным голосом ответила Полли.

- Я гарантирую, что она осталась при своем. И дело не в нас. Вы видите что она упертая, и это диагноз?- авторитетно заключила Пантяжка □ Не надо было вообще ее трогать – добавила она

-Да ладно! – рассмеялась Полли --Зернов позвонит через часик – по другому заговоришь!

«Зернов... В его глазах-океан.»

Зернов собственной персоной встретился ей минут через тридцать, когда она подходила к своему дому. Он был не один. В его руку вцепилась «маленькая стилижка» в искусственных очках. В ней Пантяжка сразу узнала ту самую Катю (или Таню □ она не помнила точно), что просила разобраться со Светой. Девочка что- то щебетала о политике, на лице ее возлюбленного блуждала улыбка по названию «Мне все равно о чем ты говоришь, лишь бы слышать твой голос».

Увидев Пантяжку, Зернов кинул свое обыкновенное «Привет, бро», а его подружка либо не узнала ее, либо сделала вид, что не узнала. Естественно, никто из них не спросил - как прошел РАЗГОВОР, потому что в такой романтичный октябрьский вечер, когда в просвет между громадами облаков проглядывает неяркий полумесяц, а листья так приятно шуршат, влюбленным не придет в голову думать о посторонних, не слишком приятных вещах.

Какие же слова могут помочь описать состояние Пантяжки в тот момент? Злость? Ненависть?- пожалуй нет «Обида?» - не совсем. «Шок» - возможно, но все равно как то не так...Разве что... «Смерть»?

Как слепая добрела она до своей берлоги, закрыла дверь и медленно сползла на пол.

И смысл всего этого? - вслух спросила она себя очень спокойным голосом □ ДЛЯ ЧЕГО ВСЕ ЭТО? ДЛЯ ЧЕГО ВООБЩЕ ВСЕ?

Потом она долго еще сидела, как собачка на коврикe. «Болото Ундины * Вот моя дорога... И вот ее конец».

В кармане старенькой курточки настойчиво жужжал телефон, зазывая на ночные посиделки. Немного погодя стали стучать в дверь. У таких друзей есть одно характерное свойство □ прилипчивость. Но Пантяйка знала точно: как только будет найден другой притон на зиму (вместо этой квартиры) □ тропинка к ее жизни будет забыта ими навсегда.

И завтра, и послезавтра, и третьего дня Пантяйка не пожаловалась подружкам и не пошла пить пиво под заунывные переборы Черепа. Она не стала царапать вены канцелярским ножиком, засыпать девочку Зернова гневными сообщениями, рыдать на постели... Она просто ушла. Ушла от всех и от всего.

Нельзя сказать, что новый образ жизни тяготил ее. В любом случае, не более чем бесконечные посиделки на реке, сопровождающиеся дешевой выпивкой и бесконечными разговорами на заезженные темы. «Одна, одна на всем свете * И им я тоже не нужна, и каждый из них тоже один...»

Невысокая худенькая темноволосая девушка с бледным лицом и красивыми карими глазами, стоящая у окна, и смотрящая на снег □ кто она и зачем она делала все, что делала? Возможно, большинство подростков в определенный этап жизни задаются подобными вопросами, глядя на себя со стороны... И, возможно, все они одни...

Да, ведь уже была зима.

Однажды, когда Пантяйка упоенно отколупывала пилкой краску с подоконника, пришел участковый. Она отреагировала на его визит отрешенным взглядом □ ей было все равно, где сидеть. Но, к ее удивлению, он ни словом не обмолвился о разборках за «Герберой», а прочитал формальную мини-лекцию о необходимости посещать школу. По одному разу приходили из опеки и из школы. Классный руководитель постаралась больше всех: она привела с собой детского психиатра с маленьким чемоданчиком. Невысокий, сухонький человек в кепке и темно-зеленом драповом пальто «на вырост» допрашивал Пантяйку минут тридцать. Было видно, что он заинтересован в проблеме, по крайней мере, он единственный из всех «гостей» не поглядывал на часы с озабоченным видом. Она безупречно ответила на все вопросы, пообещав что начнет посещать школу как только перестанет скакать давление. Говоря об этом, она вспомнила бабушку, которая за эти далекие от мира полтора месяца приходила раза два, чтобы передать опекуновское пособие, совершенно не подозревая о внучкином затворничестве. Друзья перестали приходить еще в ноябре, поскольку Пантяйка ясно дала понять, что впредь не намерена общаться. С каждым днем она все отчетливей видела, как рвутся незримые нити, связывающие ее с миром людей. Еще немного □ и ее оставят в покое окончательно. Хотела ли она этого? Ей казалось, что да. И все же, в глубине, еле теплилось ожидание. «Не может быть, что нет никого больше на всем свете...»

За несколько дней до нового года, через два месяца после самого глупого, по мнению Пантяйки, дня в ее жизни (когда состоялся тот РАЗГОВОР), в дверь постучали. Этот стук

напугал ее □ последние две недели не приходил никто. Она продолжала сидеть на холодном подоконнике. Постучали снова. Пантяйка медленно подошла к двери и повернула ключ, готовясь увидеть либо одуванчика-бабушку, либо сонного участкового, либо учительницу с классическим приветствием «Слушай, мадам!» Каково же было ее удивление, когда за дверь она увидела * ту самую Свету из сто тридцать шестой. Не найдя слов, Пантяйка просто смотрела во все глаза на «тихоню отличницу», «девочку-орешка», «маленькую любительницу правды» * А Света, в белой шубке и кремовом беретике, сделав слабую попытку улыбнуться, сказала:

-Привет! Извини меня, я хотела поговорить с тобой.

-Говори □ спокойно ответила Пантяйка, а голове мелькнула мысль «Дело завели. Если дадут групповое □ можно паковать». С чувством удовлетворения, она отметила, что ей практически все равно, что будет дальше.

-Можно пройти?

-Да.

Света переступила порог жалкой «берлоги» и огляделась. Может быть она и удивилась неуютной, сиротской обстановке, но виду не подала. «Счастливые не живут с ободранными обоями, со вздувшимся от влажности линолеумом, с обсыпавшейся местами штукатуркой. Может быть потому что их это интересует * Может быть потому что они не одни?»

Света сняла шубу, шапку и повесила их на единственный крючок у двери. Наклонилась.

-Не разувайся! – поспешно сказала хозяйка, бросив взгляд на грязный пол.

Света прошла в комнату и села на край маленького синего дивана у окна. Когда то на нем любила сидеть мама, наблюдая за суетящимися в вечернем небе птичьими стаями.

Пантяйка стояла.

-Извини, может быть ты удивилась что я пришла, - сказала Света смущенно, - но я не могла не прийти.

-Я догадываюсь, о чем ты хочешь поговорить, если что – сумрачно заметила Пантяйка.

-Я пришла, потому что узнала, □ продолжала Света, не отреагировав на реплику, - что ты как-то закрылась от всех... Я подумала, может тебе плохо... Это одна из причин.

Пантяйка остолбенела. Вот тут был настоящий шок. Она могла ожидать чего угодно: угрозы расправы, вымогательства денег, разъяснения прав и обязанностей, лекции о морали, но только не поддержки. Лицо Светы не выражало ни ехидства, ни обиды. «Подвох? Отклонение?»

-Слушай, ты нормальная? □ только и сумела спросить Пантяйка. В ее голосе прозвучал легкий вызов.

Света заметно нервничала. Однако улыбки сдержать не смогла.

-Надеюсь что да. Слушай, Алина, для меня было очень сложно решиться прийти к тебе. Но Бог показал мне сделать это.

«Алина». Впервые за много лет Пантяйка услышала свое имя. На протяжении долгого времени для тети Лены она была: «Ты дура», для бабушки: «Дет-тонька моя», для учителей «Пантяева», для друзей и одноклассников, естественно «Пантяйка».

«Алина...» это имя было из другого мира, из прошлого.

«Алинка, давай вместе сделаем игрушку на елку. Помнишь, вчера показывали по телевизору, как птичку делать?»

Пантяйка моргнула, предательские слезы не успели выступить.

-И что же ты хочешь сказать? Ты думаешь, ты сможешь помочь мне? Ты даже младше меня! Да и вообще, это смешно. □ Пантяйка сделала вид, что ее начал забавлять этот разговор. Вместе с тем она принялась сосредоточенно отколупывать остатки краски с любимого подоконника.

Света посмотрела в окно.

- Я не могу. Но есть Господь, который знает как помочь тебе.

Пантяйка грустно улыбнулась.

-Извини, но я ни в кого и ни во что не верю.

- Он есть независимо от того, веришь ты в Него или нет. Он тебя любит всегда. Подумай.

- голос Светы звучал гораздо смелее, и она уже не казалась младшей.

-Не помогут мне проповеди. Я вижу, я сразу поняла что ты другая, ты не такая как все. Ты не такая как эти клуши из твоего класса. Но пойми, меня уже не переделать. Я привыкла к одиночеству. Мне плохо, но по другому я жить просто не умею. Мне и с людьми плохо. Это сами люди сделали меня такой. Знаешь ли, что значит испытывать постоянное унижение? Целыми днями: «Ты дура, ты дура!» Что значит остаться одной, без единой живой души в твоей квартире, когда тебе четырнадцать лет?! И никто мне не может помочь! Моей вины тут нет, но и выхода тоже нет!

Пантяйка разко замолчала, испугавшись собственной откровенности.

Снег падал за окном как в стеклянном шаре. Покрывал бережно старые скучающие дома и замерзшие деревья.

-Я знаю, что ты много пережила. Меня тоже унижают, в классе. Но у меня есть Иисус, который защищает меня. Слава Богу, у меня есть семья и друзья, но без Иисуса я все равно была бы одна...на всем свете...

Пантяйка перестала скоблить подоконник.

-Пожалуйста, не обвиняй других, Алин. И в нас самих полно греха, полно дряни, которая мешает нам увидеть правду. Просто подумай, разве тебе не хочется освободиться от обиды, от страхов, от злости, стереть все что ты натворила по жизни? Иисус взял все-все твои грехи на Себя, а ведь Онбыл не виноват ни в чем. Но Он умер на кресте, чтобы за все это заплатить... И воскрес, потому что Он - Бог.

-Допустим, это красиво. Я не верю в это, Свет, но пусть Он пожертвовал Собой. А что дальше, что это для меня должно изменить? Это другое измерение! □ с горечью сказала

Пантяйка и снова отвернулась к окну.

-Для тебя, Алин, это все. Свобода от всего, что держит, что мучает тебя. Для тебя это спасение от ада. Это для тебя Вечная жизнь. Он даст ее тебе как подарок. Ты просто поверь в то, что Он искупил тебя и попроси у Него прощения за все грехи. И ничего не нужно доказывать Ему, просто поверить.

-Вечную жизнь? Вместо ада? – Пантяйка улыбнулась, но улыбка эта далась ей с трудом.

«Есть ли страна там, за облаками?»

-Извини, я думаю, это полный бред. Нет никакой вечности, а есть наша дрянная реальность с окурками на асфальте, – добавила она, помрачнев.

«Я думаю, нет страны за облаками»

-Твоя мама, Алин...

«Что?! Что она знает про мою маму?!»

-Что?

-Твоя мама на небесах. Потому что она верила в Иисуса.

-Причем здесь мама? Откуда ты взяла это?! Она ни в кого не верила! □ Пантяйка так разволновалась, что у нее слегка закружилась голова.

-Алин, послушай, успокойся! □ теперь занервничала и Света, - я ведь и об этом пришла рассказать. Ты слушаешь? Ты можешь послушать?

-Да... - ее руки дрожали, а ноги стали ватными.

-Моя мама уже сто лет верующая, и давно, когда я была маленькая, они ходили по больницам, рассказывали там об Иисусе Христе. Твою маму звали Ольга Пантяева?

-ДА!

-Она лежала в Онкологии на Лесничевской?

-ДА! Она умерла там! От лейкемии. Меня не пускали к ней!

-Алин, это правда □ твоя мама за пять дней до смерти приняла Иисуса Христа! С ней разговаривала моя мама.

-Что это значит? Как это □ приняла Христа? □ допытывалась Пантяйка. Голова раскалывалась от страшной боли.

-Она была уже очень слабой, ее кололи обезболивающими, но разум был в полном порядке. Она сказала, что хочет жить вечно, что не хочет умирать. Она поверила, что Иисус Христос искупил все ее грехи, и покаялась перед Ним. Алин, она попросила Господа спасти ее и взять на Небеса. Это правда. Алин, она была такая радостная потом! А потом мою маму попросили из палаты, и уже больше не пускали.

-Она жива?!

Это было просто невозможно слушать. Сердце бешено колотилось.

-Да! Она на небесах, и она очень-очень счастлива * Я давно знала эту историю, но я не знала тебя, и не знала, что это твоя мама. Недавно мы с мамой говорили про ту ситуацию □ ну не бери в голову, я забыла уже, и я назвала твою фамилию, и мама сказала, и я все поняла! Алина, Алина!

Не выдержав наплыва эмоций, Пантяйка рухнула на диван и зарыдала, совсем как в детстве. Она не понимала, где она, что с ней, почему она так плачет. Но и сдерживать, прятать боль уже не получалось.

-Алина, ну ты что? - Света растерянно пыталась успокоить собеседницу.

-Она жива?! - сквозь рыдания повторила Пантяйка.

-Да! Но ведь.. Ты же сказала, что не веришь..

-Я не знаю! Не знаю! Я хочу чтобы она была жива! Я ничего не знаю уже!!

Могла ли неприступная и независимая Пантяйка всего лишь час назад подумать, что скоро, совсем скоро, она будет беспомощно рыдать в объятиях «презренной отличницы» из малоуважаемой сто тридцать шестой школы?

Мог ли кто, кроме Господа, знать об этом?

Некоторое время спустя Алина снова стояла у окна, провожая взглядом маленькую фигурку, исчезающую в белизне снежного потока.

Что изменилось? Наверное, она не понимала до конца. Но решение, которое она приняла этим вечером, было настоящим.

Те слова, которые она сказала Иисусу, шли от самого сердца. И она знала, что они не исчезли в пустоте.

«Иисус...Господь»

«...Я верю что Ты есть...»

«Я верю, что Ты любишь меня»

«Я верю, Ты умер за меня на кресте и воскрес»

«...Прости меня за все грехи – до конца...»

«Спаси меня, пожалуйста, я хочу однажды прийти на небеса»

Её дорога ✨ Она шла по дну вязкого болота всю жизнь. Несла на спине тонны грязного ила...

Может быть сейчас она многого не понимала, но она знала: Он простил, и теперь изменится все. И теперь она не одна, не одна на всем свете.

«Спасибо за новую дорогу, Иисус. Теперь она пролегает через вечность».

2011

Анна Артеева
May 08, 2014

Источник: <http://www.poems4christ.com/ru/article/9030>

© Copyright 2025, Поэзия для Христа - www.poems4christ.com